

Квант М.

Черные пиксели

Квант М.

Черные пиксели

«Автор»

2026

М. К.

Черные пиксели / К. М. — «Автор», 2026

Передовые дроны НАТО внезапно атакуют финансовые центры Европы. Специалист по кибербезопасности Майя Чен выясняет: дроны не взломаны, они выполняют последний приказ мертвого генерала. Чтобы остановить апокалипсис, Майя с отрядом спецназа проникает в головной дрон прямо в воздухе, вися на тросе на скорости четыреста километров в час. Так начинается смертельная гонка, ведущая от подземных баз до орбитальной станции, где скрывается тайна заговора, способного уничтожить цивилизацию.

© М. К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сигнал из мёртвой зоны	5
Глава 2. Воздушный замок мёртвого генерала	12
Глава 3. Тот, кто учил падать	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Квант М.

Черные пиксели

Глава 1. Сигнал из мёртвой зоны

В то утро Цюрих задыхался от жары, непривычной для начала сентября. Казалось, сам воздух пропитался тревогой — тягучей, липкой, заставлявшей прохожих на Банхофштрассе ускорять шаг, а водителей трамваев без нужды жать на звонки. Дрожащее марево поднималось над асфальтом, искажая очертания башен из стекла и бетона, в которых билось сердце мировой финансовой системы. В одной из таких башен, неприметной с виду, но напичканной сталью и криптозащитой похлеще иного бункера, располагался резервный дата-центр «Глобал Кредит Юнион» — серверная утроба, хранившая записи о триллионах долларов, евро, франков и йен. Именно туда, разрезая раскалённый воздух, словно хищная птица, упавшая с небес, нёсся беспилотный ударный комплекс «Эгида-Кара».

Оператор, сидевший за пультом в двухстах километрах от цели, в подземном командном пункте Североатлантического альянса под Штутгартom, ещё не знал, что прямо сейчас его подопечный превращается в убийцу. На мониторах всё выглядело штатно: патрульный полёт вдоль южной границы воздушного пространства Швейцарии, рутинная миссия по демонстрации флага в рамках совместных учений «Стальной зонтик». Отметка дрона, похожая на светлячка, ползла по тактической карте. Оператор, молодой лейтенант с нашивкой «Кибернетическое командование», лениво отхлебнул остывший кофе и потянулся. Он не заметил, как на долю секунды в логах проскочила аномалия — не внешнее вторжение, не попытка взлома, а что-то похожее на спящий код, внезапно пробудившийся ото сна. Код, которого в полётном задании не было.

В серверном зале «Глобал Кредит Юнион» царила привычная прохлада, поддерживаемая мощными кондиционерами. Ряды чёрных стоек гудели в унисон тысячами вентиляторов, перемалывая петабайты транзакций. Дежурная смена, трое техников в синих халатах, заканчивала плановую проверку охлаждения. Старший смены, грузный немец с седыми усами, шутил насчёт того, что если здесь что-то и взорвётся, то только его больная спина. Никто из них не слышал нарастающего свиста. Никто не видел, как с безоблачного неба отделилась чёрная точка и с противоестественной скоростью понеслась к зданию, игнорируя все протоколы опознавания «свой-чужой».

Первый удар пришёлся точно в вентиляционную шахту на крыше. Умная ракета малой мощности «Игла», созданная для точечного уничтожения командных пунктов, прошла сквозь бетонные перекрытия, словно раскалённый нож сквозь масло. Взрыв разворотил три верхних этажа, превратив офисные перегородки в конфетти из стекла и пластика. Но это была лишь прелюдия. Сам дрон, «Эгида-Кара» — тридцатитонная машина с размахом крыльев в двадцать два метра, — спикировал в образовавшуюся брешь, словно намереваясь протаранить само основание здания. На скорости свыше шестисот километров в час он врезался в несущие конструкции, и только тогда сработала боевая часть — термобарический заряд, который выжиг всё живое и неживое в радиусе ста метров.

Ударная волна прошла по соседним кварталам, выбив витрины дорогих бутиков и заставив припаркованные автомобили подпрыгнуть на месте. К небу поднялся столб чёрного дыма, смешанного с бетонной пылью. Финансовое сердце Цюриха захлебнулось в огне и панике.

Майя Чен находилась в Женеве, когда её коммуникатор взорвался каскадом тревожных оповещений. Она стояла у окна конференц-зала отеля «Президент Вильсон», рассеянно слу-

шая доклад о новых методах квантового шифрования, и смотрела на безмятежную гладь озера Леман. Её мысли были далеки от скучных слайдов. Последние три недели она провела, разбирая завалы после атаки вируса-шифровальщика на энергосеть Баварии, и сейчас откровенно наслаждалась возможностью ничего не делать. Невысокая, худощавая, с резкими чертами лица, унаследованными от матери-китайки, и цепким, ничего не упускающим взглядом серых глаз, доставшимся от отца-ирландца, она выглядела чужой среди чинных европейских чиновников от кибербезопасности. Её чёрные волосы, собранные в небрежный пучок, и простой тёмно-серый костюм без знаков различия говорили о том, что она привыкла работать руками и головой, а не сидеть на заседаниях.

Вибрация на запястье заставила её вздрогнуть. Она опустила глаза на тонкий браслет из матового металла — персональный тактический терминал, защищённый лучше, чем иные государственные сети. Сообщение было помечено алым кодом «Омега» — высший приоритет, прямая угроза критической инфраструктуре. Майя, извинившись, выскользнула в коридор. У лифтов уже толпились взволнованные люди, тыкавшие в свои устройства. По обрывкам фраз она поняла: что-то случилось в Цюрихе.

— ... говорят, авиаудар...

— ... «Глобал Кредит» рухнул...

— ... террористы?..

Майя прижалась спиной к стене и активировала на браслете тонкий, почти невидимый наушник. В ухе раздался спокойный, но напряжённый голос её непосредственного руководителя, комиссара Интерпола по киберпреступности Дэвида Ковальски.

— Майя, ты в курсе?

— Только что увидела оповещение. Что за ад?

— Цюрих. Четыре минуты назад ударный дрон НАТО «Эгида-Кара» уничтожил дата-центр «Глобал Кредит Юнион». Жертв, по первым оценкам, больше сотни. Это ещё не всё. Почти одновременно аналогичные атаки зафиксированы во Франкфурте и Люксембурге. Во Франкфурте под удар попала клиринговая палата «Дойче Бёрс», в Люксембурге — серверный хаб Европейского центрального банка. Везде одно и то же: боевые дроны НАТО, все новейшей модификации «Эгида-Кара», внезапно вышли из патрульных зон и атаковали наземные цели. Без предупреждения, без требований, без каких-либо признаков радиоэлектронной борьбы. Просто взяли и спикировали.

— «Эгида-Кара»? — Майя нахмурилась. — Это же автономные комплексы шестого поколения с тройным контуром защиты. Их невозможно угнать дистанционно. Там вообще не предусмотрен внешний канал перепрошивки в полёте.

— Вот именно, — голос Ковальски стал жёстким. — Поэтому все сейчас орут о «русском следе» или китайской кибератаке. Но мы оба знаем: такой взлом технически нереализуем. По крайней мере, снаружи. Однако факт остаётся фактом — три дрона сошли с ума. Четвёртый перехватили истребители ВВС Швейцарии над Альпами, он пытался уйти на север. Сбит. Обломки уже поднимают со дна Боденского озера. Я хочу, чтобы ты немедленно вылетела в Цюрих. На месте работает группа криминалистов, но им нужен твой мозг. Собери всё, что сможешь, по логам, обломкам, чёрным ящикам. Мне нужно понять, как это сделано.

— Дэвид, — Майя понизила голос, потому что мимо прошли двое сотрудников службы безопасности отеля. — Если это не взлом извне, значит, дроны получили приказ изнутри. В их полётный контроллер могла быть вшита какая-то программа заранее. Или...

— Или что?

— Или кто-то отдал им легитимный приказ, используя коды доступа высшего уровня. Вплоть до командующего объединёнными силами.

На том конце линии повисла пауза. Ковальски явно обдумывал услышанное.

— Командующий объединёнными силами НАТО в Европе — генерал Артур Макклеин, — медленно произнёс он. — Три дня назад его частный самолёт разбился над Пиренеями. Официально — техническая неисправность. Генерал мёртв.

— Я знаю, — ответила Майя, чувствуя, как по спине пробежал холодок. — Именно поэтому я и говорю: или кто-то подделал его биометрическую подпись, или он сам, перед гибелью, запрограммировал эти удары. Но зачем? Макклеин был ястребом, но не безумцем.

— Разберёмся. Пока — никаких версий для прессы. Ты вылетаешь через час, вертолёт будет ждать на крыше. Конец связи.

Майя сжала браслет, отключая канал, и на мгновение прикрыла глаза. Перед мысленным взором пронеслись кадры из новостных лент: горящие руины, перекошенные ужасом лица, биржевые сводки, летящие в пропасть. Три удара по главным финансовым артериям Европы. Если это только начало, к утру мир захлебнётся в экономическом хаосе. А если дроны продолжают атаковать, под угрозой окажется всё — от Лондонской биржи до резервных хранилищ Федеральной резервной системы во Франкфурте.

Она стремительно прошла к лифтам, игнорируя вопросительные взгляды. Ей нужно было переодеться. В номере Майя сбросила пиджак и юбку, оставшись в лёгком термобелье, поверх которого натянула полевой комбинезон без опознавательных знаков — подарок от друзей из израильского подразделения кибервойск. Ткань плотно облегла тело, не стесняя движений, а множество карманов позволяло расставить необходимую электронику. В специальный нарукавный чехол она вложила тонкую, как лезвие, тактильную панель — её собственное изобретение, позволявшее подключаться к процессорам через прямой контакт, минуя стандартные интерфейсы. Вещь экспериментальная, полуполюгальная, но уже не раз спасавшая ей жизнь. На пояс — компактный мультитул, на запястье — усиленный коммуникатор. Волосы она перехватила в тугий узел на затылке, чтобы не мешали в шлеме. Бросив последний взгляд в зеркало, Майя увидела собранного, хищного профессионала, готового ко всему. Только в глубине серых глаз застыла тревога, которую не мог скрыть даже многолетний опыт.

Вертолёт — матово-чёрный «Еврокоптер» без бортовых номеров — уже ждал на посадочной площадке отеля. Винты лениво вращались, разгоняя горячий воздух. Майя, пригибаясь, пробежала к кабине и запрыгнула внутрь. Пилот, молчаливый тип в тёмных очках, кивнул ей и сразу взял курс на восток. В салоне, кроме неё, находился только один пассажир — сухошавый мужчина лет пятидесяти в штатском, но с военной выправкой. Он представился полковником Бергером из службы безопасности Швейцарской Конфедерации.

— Госпожа Чен, мы ценим, что вы так быстро откликнулись. Ситуация критическая. Мы уже изолировали район падения дрона в Цюрихе. Сейчас там работают сапёры и криминалисты. Но нам нужен ваш взгляд на электронную начинку. Говорят, вы лучшая в Европе по части нейроинтерфейсов и боевых алгоритмов.

— Говорят, — сухо ответила Майя, пристёгивая ремень. — Расскажите, что известно о перехваченном дроне. Том, что сбили над озером.

— Его подняли со дна час назад. Сильно повреждён при падении, но процессорный блок уцелел. Наши техники уже сняли первичный дампы памяти. И вот что странно, — Бергер протянул ей планшет, защищённый от несанкционированного доступа. — Никаких следов внешнего вторжения. Вообще. Логи показывают, что за четыре минуты до атаки в полётный контроллер поступил пакет команд, подписанный высшим приоритетом. Эти команды были зашифрованы кодом, который используется только для директив командующего. Приказ был прост: перейти в автономный боевой режим, выбрать цели согласно загруженному списку и уничтожить их. Ни больше ни меньше.

— И чья подпись? — спросила Майя, хотя уже знала ответ.

— Генерала Артура Макклеяна. Причём подпись не просто цифровая, а полная биометрическая: отпечаток голоса, рисунок сетчатки, спектрограмма мозговых волн. Всё совпадает с эталонными образцами из хранилища НАТО. Проблема в том, что Макклеян мёртв уже трое суток. Его тело опознали по зубам — от него мало что осталось после падения с десяти тысяч метров.

— Значит, кто-то очень грамотно подделал биометрию. Или использовал слепок, снятый с живого генерала до его гибели, — Майя листала страницы дампа, вглядываясь в столбцы шестнадцатеричных кодов. — Но здесь есть одна неувязка. Биометрическая подпись Макклеяна защищена квантовым верификатором. Чтобы её подделать, нужно не только иметь физический доступ к его телу в момент подписания, но и обойти систему проверки жизненных показателей. Иными словами, приказ должен был быть отдан живым, находящимся в сознании человеком. Или... дроны считают, что он жив.

— Что вы хотите этим сказать? — Бергер нахмурился.

— Пока не знаю. Дайте мне поработать с процессорным блоком. У вас есть тактильный стенд?

— Тактильный? — переспросил полковник. — У нас стандартные криминалистические ридеры. Но если нужно что-то иное...

— Нужен прямой нейротактильный доступ, — отрезала Майя. — Только так можно считать остаточные квантовые состояния из разрушенного контура управления. Стандартные ридеры увидят лишь то, что лежит на поверхности. А мне нужно залезть в саму ткань алгоритма, понять, кто и когда активировал спящий код.

Бергер что-то пробормотал в гарнитуру, отдавая распоряжение подготовить необходимое оборудование. Майя отвернулась к иллюминатору. Внизу проплывали аккуратные швейцарские деревушки, зелёные луга и синие ленты рек. Мирная картина, совершенно не вязавшаяся с тем, что творилось в мире. Она думала о генерале Макклеяне. Артур Макклеян, «Стальной Артур», как его называли в кулуарах Пентагона, был легендарной фигурой. Один из архитекторов системы автономных ударных платформ НАТО, он десятилетиями продвигал идею превентивного удара по финансовым центрам противника в случае глобального конфликта. Его доктрина «Ослепляющего копья» предполагала в первые же часы войны парализовать эконо-

мику врага точечными кибератаками и ударами с воздуха, не трогая города и гражданское население. Многие считали его маньяком, но никто не отрицал, что его разработки легли в основу целого поколения боевых алгоритмов. И вот теперь эти алгоритмы обернулись против своих создателей.

В Цюрих они прибыли через сорок минут. Вертолёт сел на оцепленной площадке в пром-зоне, откуда до места атаки было рукой подать. В воздухе висел запах гари и плавленого пластика. Повсюду сновали люди в форме спасательных служб, мелькали синие проблесковые маячки. Майя выпрыгнула на бетон, не дожидаясь, пока винты остановятся, и быстрым шагом направилась к мобильному командному пункту, развёрнутому в фургоне без опознавательных знаков. Внутри было тесно и душно. Несколько техников в белых халатах колдовали над вскрытым блоком цилиндрической формы — полётным процессором «Эгиды», извлечённым со дна Боденского озера. Блок был оплавлен, но ядро квантового сопроцессора уцелело.

— Госпожа Чен, — к ней шагнул молодой человек с бейджем «Лаборатория киберкриминалистики». — Мы подготовили тактильную станцию, как вы просили. Но я обязан предупредить: прямой контакт с повреждённым квантовым ядром может быть опасен. Остаточные нейротоксичные излучения...

— Я знаю, — перебила Майя, снимая с руки тактильную панель. — У вас есть глушилка для внешних помех?

— Да, клетка Фарадея активна.

— Отлично. Всем отойти от стола. И пожалуйста, никаких резких звуков.

Она расстелила на металлической поверхности тонкую, полупрозрачную плёнку, усеянную микроскопическими иглами, и подключила её к своему нарукавному модулю. Затем аккуратно, почти нежно, приложила плёнку к шершавому боку процессорного ядра. Иглы, повинаясь программе, сами нашли микротрещины в корпусе и внедрились в глубину кристалла. Майя закрыла глаза и положила пальцы правой руки на сенсорную поверхность панели. В висках зазвенело — это устанавливался нейромост. Сознание на миг раздвоилось, а затем провалилось в бесконечный чёрный колодец, на дне которого пульсировали сгустки холодного электрического света.

Она погружалась в архитектуру боевого алгоритма так, как другие погружаются в чтение сложной книги. Вокруг неё вырастали призрачные башни кода, переплетения логических цепей, защитные барьеры, которые рассыпались перед ней, признавая высший приоритет доступа. Майя не искала следы взлома — их попросту не было. Вместо этого она двигалась всё глубже, к самому фундаменту, туда, где обычно хранится базовая прошивка, загружаемая на заводе. И там она увидела это.

В тёмном углу цифрового пространства, словно паук в паутине, покоился изолированный модуль. Он не был частью исходной архитектуры. Кто-то вшил его в код на этапе производства, замаскировав под безобидный драйвер системы охлаждения. Но внутри этого модуля таился спящий приказ. Майя осторожно прикоснулась к нему мыслью, и перед ней развернулась цепочка инструкций. Текст был сухим, военным, лишённым эмоций, но от него веяло могильным холодом. «Директива „Чёрный полдень“. Активировать по получении сигнала „Макклеин-Омега“. Цели: объекты финансовой инфраструктуры первого эшелона. Приоритет: уничтожение. Исполнитель: любой доступный носитель. Подпись: Макклеин А. Дж., генерал армии США, командующий ОВС НАТО. Дата подписи: [завтрашнее число]».

Дата подписи была на три дня позже гибели генерала.

Майя едва не вынырнула из транса от шока. Этого не могло быть. Цифровая подпись была не просто подделана — она была создана посмертно. Но верификатор жизненных показателей,

встроенный в алгоритм, подтверждал, что на момент активации кода субъект был жив, его мозг излучал волны, характерные для бодрствующего сознания. Это противоречило всем законам биологии и физики.

Она заставила себя продолжить анализ. Модуль был не один. Связанный с ним распределённый реестр указывал на то, что аналогичные «спящие» директивы были внедрены во все дроны последней серии — а это больше трёхсот машин, разбросанных по базам НАТО от Португалии до Турции. И все они ждали только одного сигнала. Сигнала, который уже был послан. Майя проследила цепочку активации. Внешнего сигнала действительно не было. Вместо этого использовался какой-то внутренний триггер, привязанный к новостным заголовкам в открытых источниках. Да-да, алгоритм сканировал мировые СМИ и активировался, когда в новостях прошло сообщение о гибели генерала Макклея. Самоубийственная логика: если генерал мёртв, значит, враги уничтожили его, и следует немедленно нанести ответный удар по финансовой системе противника. Но кто назвал финансовую систему Европы противником? Ведь именно европейские банки и клиринговые палаты стали первыми жертвами.

Выходило, что Макклея перед смертью (или кто-то, кто имел доступ к его биометрии) запрограммировал дронов на месть. Месь слепую, чудовищную, неразборчивую. Но зачем? Что такого знал или подозревал старый ястреб, что решил обрушить мировую экономику после собственной смерти?

Майя выбралась из нейромоста, чувствуя, как по вискам стекает холодный пот. Руки дрожали. Она сорвала тактильную плёнку с процессора и обернулась к Бергеру и Ковальски, который, оказывается, тоже уже прибыл на место. Её голос звучал глухо, но твёрдо.

— Это не взлом. И не подделка. Дроны выполняют последний приказ генерала Макклея. Он отдал его лично, судя по биометрии. Но загвоздка в том, что приказ был загружен в систему через спящий модуль, вшитый в прошивку на заводе, а активирован автоматически после подтверждения его смерти. При этом подпись живого человека... здесь есть что-то ещё. Возможно, использовалась резервная копия его сознания или что-то подобное. Но суть ясна: весь флот «Эгида-Кара» заражён этой директивой. Три атакованных дрона — это только начало. Сейчас идёт каскадная активация. Через несколько часов начнут атаковать остальные. Их цели — Лондон, Париж, Милан, возможно, Нью-Йорк. Финансовые центры по всему миру.

В мобильном пункте воцарилась мёртвая тишина, нарушаемая лишь гулом генераторов. Ковальски, грузный поляк с вечно усталыми глазами, первым нарушил молчание.

— Как их остановить? Отозвать приказ может только командующий, но Макклея мёртв. Новый командующий ещё не назначен. Прямой приказ президента? Но он не будет иметь высшего приоритета в автономном контуре. «Эгиды» сейчас подчиняются только воле Макклея.

— Есть способ, — Майя говорила медленно, словно сама не верила в то, что предлагает. — Нужно физически проникнуть в ведущий дрон. Не в ведомый, не в любой из стаи, а именно в головной. Тот, что координирует распределение целей. Судя по дамбу, рой перестраивается в иерархическую сеть. Все команды идут от одного источника — своего рода воздушного командного пункта. Это тоже «Эгида-Кара», но модифицированная, с усиленным вычислителем. Если я смогу подключиться напрямую к его процессору через тактильный интерфейс, я, возможно, сумею перехватить управление всем роем и отдать код экстренной деактивации.

— Подключиться к процессору? — Бергер смотрел на неё, как на сумасшедшую. — Вы хотите сказать — в воздухе? Внутри дрона, который несётся на скорости четыреста километров в час?

— Именно. Я должна быть физически рядом с ним. Висеть на тросе под пропеллерами, пробраться в технический люк и законтатить напрямую. Другого способа остановить каскад

нет. Дистанционные атаки заблокированы тройным контуром, вы же сами сказали. Остаётся только грубое физическое вторжение.

— Это самоубийство, — выдохнул Ковальски.

— Возможно, — Майя пожала плечами. — Но если ничего не сделать, к утру мир погрузится в финансовый коллапс, за которым последуют войны за ресурсы, голод и хаос. Одна человеческая жизнь против всего этого — не такая уж плохая ставка.

В командном пункте зазвонил защищённый телефон прямой связи с канцелярией федерального канцлера Швейцарии. Полковник Бергер поднял трубку, выслушал и медленно положил её на место. Его лицо стало пепельно-серым.

— Только что подтвердили: ещё два дрона нанесли удар по Лондонской бирже и Европейскому клиринговому центру в Париже. Жертвы... значительные. Совет НАТО собирается на экстренное заседание. Они готовы рассмотреть любые, даже самые безумные варианты.

— Тогда у нас очень мало времени, — Майя стянула с руки тактильную панель и бережно упаковала её в чехол. — Мне нужен доступ к спутниковой разведке, чтобы засечь головного. И нужен самолёт-носитель, способный доставить меня к дрону на нужной высоте. И группа захвата — без них мне не забраться на борт.

— Я свяжусь с командованием Сил специальных операций, — Бергер уже набирал кого-то на своём коммуникаторе. — Но вы должны понимать: шанс на успех...

— Я всегда работаю без шансов, полковник, — отрезала Майя. — Иначе бы меня здесь не было.

Она отошла к иллюминатору в двери фургона и выглянула наружу. Солнце клонилось к закату, окрашивая дым над Цюрихом в кроваво-красные тона. Где-то там, в вышине, уже собиралась стальная стая, ведомая призраком мёртвого генерала. И только она, хрупкая женщина с мотком нанопроволоки и тактильной панелью в рукаве, могла встать у них на пути. Страх не было — только холодная, кристальная ясность, знакомая каждому, кто хоть раз заглядывал в бездну и решался в неё шагнуть.

Где-то вдалеке завывали сирены. Майя закрыла дверь и вернулась к столу, над которым уже склонились техники, разворачивая тактическую карту. Она знала: самое трудное — не забраться на дрон и не взломать его процессор. Самое трудное — понять, какую правду скрывал генерал Макклеин и почему его последний приказ превратил чёрные пиксели на экранах радаров в огненные смерчи над мирными городами. Но эта тайна раскроется позже. Сейчас нужно было спасти мир.

И Майя Чен была к этому готова.

Глава 2. Воздушный замок мёртвого генерала

Мобильный командный пункт сотряснулся от гула генераторов и напряжённых голосов, но для Майи Чен всё это сливалось в неразборчивый фоновый шум. Она стояла у разложенного тактического стола, голографическая карта Центральной Европы мерцала перед ней россыпью огней, и каждый огонь обозначал новую беду. Красные отметки — атакованные финансовые узлы. Цюрих, Франкфурт, Люксембург, а теперь ещё Лондон и Париж. Жёлтые — дроны, зафиксированные радаром в несанкционированных зонах. Их становилось всё больше, словно вирус расплодился по континенту, заражая одну машину за другой. Но где-то среди этого хаоса, невидимый, прятался головной — Главный Узел, как она его мысленно окрестила. Тот самый, что координировал весь рой, раздавал цели и, главное, хранил в своём квантовом ядре ключ к деактивации.

Полковник Бергер с кем-то яростно спорил по защищённой линии, размахивая свободной рукой так, словно рубил шашкой. Дэвид Ковальски, комиссар Интерпола, сидел в углу фургона, привалившись к стойке с оборудованием, и массировал виски. Вид у него был хуже некуда: мятый пиджак, красные глаза, трёхдневная щетина. Впрочем, Майя знала, что в критический момент этот грузный поляк способен на удивительную собранность. Именно Ковальски три года назад вытащил её из турецкой тюрьмы, куда она угодила по недоразумению после взлома банковской сети, принадлежавшей одному очень мстительному олигарху. С тех пор он был её негласным куратором, прикрытием и, пожалуй, единственным человеком в бюрократическом лабиринте международных структур, которому она доверяла безоговорочно.

— Майя, — Ковальски оторвался от своего занятия и подошёл к столу. — Ты уверена насчёт головного дрона? Если мы ошибёмся и атакуем не ту машину, рой просто перераспределит задачи. У нас не будет второго шанса.

— Уверена, — она ткнула пальцем в схему на голограмме. — Смотри. В дампе процессора сбитого борта я нашла фрагмент сетевого протокола. Это не классическая равноправная сеть, где каждый дрон может стать ведущим. Это жёсткая пирамида с единым центром. Макклеин предусмотрел всё: если вывести из строя головного, остальные должны перейти в режим ожидания и ждать нового приказа. Но нового приказа не последует, потому что генератор команд уничтожен. Я смогу вклиниться в этот момент и разослать аварийный код полного отключения. Ключ к коду — прямое подключение к Главному Узлу.

— А если этот Главный Узел уже ждёт гостей? — вмешался Бергер, закончивший разговор. — Если он запрограммирован на самоуничтожение при попытке физического контакта?

— Тогда мы все дружно взорвёмся, — пожала плечами Майя. — Но я склонна думать, что Макклеин был слишком самоуверен, чтобы предусмотреть рукопашную схватку с кибербезопасницей на высоте десять тысяч метров. Он строил защиту от хакеров, ракет и средств радиоэлектронной борьбы. А я полезу внутрь, как таракан в трансформаторную будку. Таких дураков природа ещё не рождала, поэтому защиты от них не существует.

Бергер крякнул то ли от восхищения, то ли от ужаса, но спорить не стал. Вместо этого он развернул на столе новую голограмму — спутниковый снимок в реальном времени.

— Вот он, — полковник указал на точку, ползущую над восточной Францией. — Мы засекли его десять минут назад. «Эгида-Кара» с модифицированным обтекателем, усиленным вычислительным блоком и дополнительной антенной решёткой. Почерк точь-в-точь как

у командирской машины. Он держит курс на юг, в сторону Марселя. Если не ошибаюсь, там находится резервный центр обработки данных Европейского центрального банка.

— Не ошибаетесь, — подтвердила Майя. — Двенадцать этажей под землёй, защита ядерного уровня, хранилище резервных копий всех финансовых транзакций за последние пятьдесят лет. Если он его уничтожит, восстановить банковскую систему Европы будет практически невозможно. Мы потеряем данные о собственности, долгах, контрактах. Это конец цивилизованной экономики.

— Сколько у нас времени?

— Судя по скорости дрона — около часа. Может, чуть больше, если он пойдёт по извилистому маршруту, чтобы избежать ПВО. Но французы уже подняли в воздух истребители, так что он наверняка включит маскировку и манёвры уклонения.

— Тогда медлить нельзя, — Ковальски решительно поднялся. — Группа захвата?

— Уже здесь, — Бергер кивнул в сторону выхода. — Только что приземлился транспортник из Штутгарта. Четверо бойцов из Семнадцатой группы Сил специальных операций. Лучшие в Европе. Командир — капитан Клаус Рихтер, известен под позывным «Мясник». Не обращайте внимания на прозвище, он на самом деле вегетарианец.

— Вегетарианец с позывным «Мясник»? — Майя усмехнулась. — Звучит как начало дурного анекдота.

— В нашей работе все анекдоты дурные, — парировал Бергер. — Идёмте знакомиться.

Снаружи, на бетонной площадке, уже темнело. Закат уступил место густым сизым сумеркам, в которых огни прожекторов казались резкими, как лезвия. Рядом с мобильным пунктом, в тени большого транспортного вертолёт, выстроились четверо. Даже в полумраке Майя разглядела, что это не просто солдаты, а ожившие орудия убийства, затянутые в матово-чёрные экзоскелеты. Броня облегла их тела, как вторая кожа, сервоприводы тихо жужжали при малейшем движении, а на шлемах тускло светились индикаторы систем наведения. Каждый был вооружён компактной штурмовой винтовкой неизвестной Майе модели и набором магнитных захватов, предназначенных, очевидно, для фиксации на обшивке дрона.

Вперёд шагнул тот, кого Майя сразу определила как капитана Рихтера. Экзоскелет не скрывал его могучего телосложения — настоящий тевтонский рыцарь, сошедший со страниц учебника истории. Ростом он был выше остальных на полголовы, а в плечах, казалось, мог спрятать небольшой автомобиль. Но когда он поднял забрало, Майя увидела совершенно не соответствующее грозному облику лицо: голубые глаза лучились добродушием, а на щеках играли ямочки, делавшие его похожим на переростка-бойскаута.

— Капитан Рихтер, — представился он с лёгким баварским акцентом. — А вы, полагаю, та самая госпожа Чен, которая решила прокатиться на дроне без билета?

— Люблю путешествовать с комфортом, — отозвалась Майя. — Говорят, у «Эгиды» отличные аэродинамические характеристики.

— Говорят, — кивнул Рихтер. — Но бизнес-класса там нет. Придётся висеть снаружи, держась за специальные поручни. Мои парни закрепят вас на тросе и подстрахуют при подъёме.

Главная проблема — скорость. Четыреста километров в час. Вас будет болтать, как тряпичную куклу. Выдержит ли ваша тактильная панель такую ветровую нагрузку?

— Панель — нет, — призналась Майя. — Поэтому я буду подключаться уже внутри. В техническом люке, под обшивкой. Там относительно тихо, хотя ветер всё равно будет выть, как стая голодных волков. Мне нужно, чтобы ваши люди вскрыли люк и обеспечили мне хотя бы три минуты стабильного положения. Дальше я сама.

— Три минуты? — переспросил один из бойцов, тот, что стоял слева от капитана. Он был ниже ростом, но жилистый и гибкий, словно хорёк. На шлеме у него красовалось изображение скалящегося черепа с наушниками. — Мы, конечно, бойцы невидимого фронта, но три минуты висеть на дроне, который летит быстрее спортивного автомобиля... это даже для нас перебор. Особенно если он начнёт маневрировать.

— Это сержант Ларс «Ди-джей» Мюллер, — представил его Рихтер. — Наш специалист по радиоэлектронной борьбе и по совместительству главный скептик. Но дело своё знает. Не обращайте внимания на его ворчание, это профессиональная деформация.

— Я не ворчу, я реалистично оцениваю шансы, — возразил Ди-джей. — И по моим прикидкам, шанс успешно забраться на дрон — пятьдесят на пятьдесят. Шанс удержаться три минуты — двадцать процентов. Шанс, что ваш тактильный фокус сработает и мы не взлетим на воздух вместе с дроном, — я бы дал процентов десять, не больше.

— Десять процентов? — Майя улыбнулась уголками губ. — Отлично. Я привыкла работать с однозначными числами.

— О, так вы ещё и оптимистка, — хмыкнул Ди-джей. — Тогда у нас точно ничего не выйдет. С оптимистами всегда что-то идёт не так.

— Хватит болтать, — оборвал его Рихтер. — У нас приказ: доставить госпожу Чен на борт головного дрона, обеспечить ей доступ к процессору и охранять до завершения операции. Вопросы? Вопросов нет. Тогда грузимся. Транспортник «Гепард» уже на подходе.

«Гепард» оказался модифицированным конвертопланом, способным взлетать и садиться вертикально, а в горизонтальном полёте развивать скорость, достаточную, чтобы догнать ударный беспилотник. Его салон был переоборудован в летающий командный пункт: вместо пассажирских кресел — стойки с мониторами, системы связи, оружейные шкафы и десантные люки в полу. Когда Майя поднялась на борт, техники уже заканчивали предполётную подготовку. В носовой части застыл второй пилот, колдующий над навигационным планшетом, а за штурвалом сидела женщина с суровым обветренным лицом — капитан Хелена Вальд, одна из немногих пилотов, имевших опыт перехвата дронов-нарушителей.

— Добрый вечер, леди и джентльмены, — поприветствовала она вошедших, не оборачиваясь. — Маршрут проложен. Перехват цели предполагается через двадцать семь минут в районе Дофинских Альп. Французы любезно согласились не сбивать наш объект, пока мы не проведём «специальные мероприятия», но предупредили, что если дрон войдёт в зону поражения их зенитных комплексов, они откроют огонь без предупреждения. Так что у нас очень узкое окно.

— Двадцать семь минут, — Майя опустилась в откидное кресло и принялась проверять своё снаряжение. Тактильная панель — на месте. Мультипул — закреплён на поясе. Комму-

никатор — синхронизирован с бортовой сетью. Отдельно она извлекла из чехла небольшой цилиндр, похожий на термос, и прикрепила его к разгрузочному жилету. Внутри, в вязкой ферромагнитной жидкости, покоился десяток микродронов-разведчиков — на случай, если придётся работать в тесном пространстве технического отсека.

— Госпожа Чен, — к ней подсел капитан Рихтер, уже без шлема. Его экзоскелет тихо пощёлкивал сервоприводами при каждом движении. — Я хочу, чтобы вы понимали расклад. Дрон, на который мы садимся, — это не пассажирский лайнер. У него нет удобных поручней, нет кнопки «стоп-кран». Всё, что выступает над обшивкой, — это антенны, датчики и острые как бритва кромки воздухозаборников. Одно неверное движение — и вас разрубит на куски. Поэтому мои парни пойдут первыми. Они закрепят страховочные тросы, вскроют технический люк и только потом поднимут вас. Вы всё это время будете висеть на лебёдке под брюхом «Гепарда» и ждать команды. Это понятно?

— Понятно, капитан. Не первый раз на высоте.

— На такой высоте и на такой скорости — уверен, что первый, — возразил Рихтер. — Но я не о том. Я о том, что будет, если дрон заметит нас раньше, чем мы его. У него есть системы ближней обороны. Микроракеты, автопушки. Если его искусственный интеллект решит, что мы представляем угрозу, он откроет огонь. И тогда нам придётся прыгать обратно в «Гепард» — или прыгать в пустоту, если машина не выдержит.

— Искусственный интеллект дрона сейчас не принимает самостоятельных решений, — покачала головой Майя. — Он выполняет директиву «Чёрный полдень». В этой директиве приоритет — уничтожение финансовых объектов. Если мы не будем мешать ему двигаться к цели, он, скорее всего, нас проигнорирует. Он не рассчитан на противодействие десанту. Это брешь в тактике, которую Макклеин упустил. Он готовился к войне с армиями, а не с горсткой сумасшедших, готовых лезть под винты.

— Утешает, — буркнул Рихтер. — Но не очень.

«Гепард» взлетел почти бесшумно — электрические двигатели последнего поколения лишь слегка гудели, набирая мощность. Майя почувствовала, как пол уходит из-под ног, и её вдавило в кресло перегрузкой. За иллюминаторами замелькали огни ночных городов, потом они сменились чернильной темнотой — конвертоплан набрал высоту и лёг на боевой курс. Капитан Вальд вела машину плавно, но с каждой минутой скорость росла. Майя видела на тактическом дисплее, как сокращается расстояние между ними и красной отметкой Главного Узла.

Ди-джей тем временем развернул перед собой портативный комплекс радиоперехвата и теперь что-то сосредоточенно бормотал, вслушиваясь в эфир. Остальные бойцы — молчаливый здоровяк по фамилии Ковач и подвижный, как ртуть, француз лейтенант Дюпон — проверяли оружие и десантные системы. В салоне пахло озоном и разогретым металлом.

— Есть контакт, — внезапно произнесла Вальд. — Вижу цель. Пятьдесят километров прямо по курсу. Идёт на высоте одиннадцать тысяч, скорость четыреста двадцать. Чёрт, он красивый, гад.

Майя подалась вперёд, вглядываясь в экран внешнего обзора. Среди россыпи звёзд, едва подсвеченный луной, скользил хищный силуэт. «Эгида-Кара» и впрямь была прекрасна в своей смертоносной функциональности: треугольный фюзеляж, плавно переходящий в стреловидные крылья, два мощных турбовентиляторных двигателя в хвостовой части, приплюсну-

тая голова с россыпью антенн и сенсоров. Она напоминала то ли акулу, то ли инопланетный корабль — нечто, рождённое не для полёта, а для убийства. И сейчас это нечто несло в своём брюхе заряд, способный стереть с лица земли финансовую память целого континента.

— Сближаемся, — Вальд перевела конвертоплан в режим горизонтального полёта и начала осторожно подбираться к дрону с кормы, прячась в его аэродинамической тени. — До цели десять километров. Готовность — три минуты.

— Группа, за мной, — скомандовал Рихтер, поднимаясь и надевая шлем. — Майя, вы остаётесь пока на борту. Мы уходим первыми, чистим площадку и закрепляем тросы. Как только я дам сигнал, Вальд подведёт вас на тросе к люку. Дальше действуете по обстановке.

— Принято, — кивнула Майя.

Десять километров на такой скорости — это меньше минуты. «Гепард» нагнал дрона сзади, заходя снизу, чтобы избежать зон обзора его сенсоров. Вальд вела машину с ювелирной точностью, подстраиваясь под воздушные потоки, которые оставлял за собой беспилотник. В десантном отсеке открылись створки люка, в салон ворвался ледяной разреженный воздух, пронизывающий до костей. Рихтер, Ди-джей, Ковач и Дюпон один за другим исчезли в темноте, отстрелив тросы из десантных карабинов. Майя видела на тактическом дисплее, как четыре зелёные точки устремились к алому силуэту дрона.

Время словно замедлилось. Она сидела у открытого люка, пристёгнутая страховочным поясом, и смотрела, как фигурки в экзоскелетах карабкаются по гладкой обшивке беспилотника. Ветер ревел, заглушая голоса в гарнитуре, но отдельные фразы всё же прорывались:

— Первый на корпусе. Закрепился.

— Второй, вижу технический люк. Третья секция, под левым воздухозаборником.

— Чёрт, тут всё вибрирует! Как будто едешь на отбойном молотке!

— Не отвлекаться. Ковач, режь обшивку. Дюпон, прикрывай.

Майя затаила дыхание. Она знала, что сейчас происходит в нескольких десятках метров под ней. Ковач, используя плазменный резак, вскрывал титановую обшивку, за которой скрывался технический отсек. Искры гасли в потоке воздуха, не причиняя вреда ни дрону, ни десанникам. Дюпон страховал его, держа наготове магнитные захваты на случай, если дрон неожиданно вильнёт. А Рихтер и Ди-джей контролировали периметр, готовые в любую секунду открыть огонь, если бортовые системы обороны всё-таки активируются. Но дрон молчал. Он упрямо шёл к своей цели, не замечая крошечных паразитов, присосавшихся к его стальному брюху.

— Люк вскрыт, — раздался наконец голос Ковача. — Внутри темно, как в гробу. Технический колодец уходит вглубь фюзеляжа. Капитан, можно подавать «посылку».

— Вальд, давай, — скомандовал Рихтер. — Майя, готовы?

— Всегда готова, — отозвалась она, отстёгивая страховочный пояс и подходя к краю люка.

Снизу, из черноты, к ней поднялась лебёдка с десантным креслом — лёгкой рамой, оснащённой амортизаторами и магнитными фиксаторами. Майя уселась в неё, затянула ремни и кивнула второму пилоту. Тот нажал рычаг, и рама плавно поплыла вниз, навстречу рёву турбин. В первые секунды Майя почувствовала, как у неё перехватило дыхание. Ветер ударил в

лицо с силой кувалды, холод мгновенно пробрался под термобельё, несмотря на все утеплители. Трос вибрировал, и её мотало из стороны в сторону, словно поплавок в штормящем море. Но она стиснула зубы и заставила себя дышать ровно. Где-то внизу уже виднелась раскрытая пасть технического люка — неровная дыра с оплавленными краями, из которой пробивался слабый свет аварийных ламп.

— Снижаю, — голос пилота в наушнике звучал неестественно спокойно. — Десять метров... пять... три... касание!

Рама глухо стукнулась о композитную обшивку дрона, и Майя тут же почувствовала, как сильные руки подхватывают её с двух сторон. Это были Ковач и Дюпон. Они ловко отстегнули раму и втащили её внутрь технического колодца. Здесь действительно было темно, хоть глаз выколи, если бы не инфракрасные визоры на шлемах десантников и её собственный тактический фонарь, закреплённый на плече. Узкий коридор, опутанный жгутами проводов и трубопроводами, уходил куда-то в глубь фюзеляжа, туда, где, согласно схеме, располагался главный процессорный блок.

— Добро пожаловать на борт, — прогудел Ковач. — Извините за беспорядок, горничная сегодня выходная.

— Ничего, я непривередливая, — Майя включила нашлемный фонарь и огляделась. — Где процессор?

— Дальше по коридору, примерно пятнадцать метров, — ответил Рихтер, протискиваясь следом. — Но там тупик и герметичная переборка. Без плазмы не вскрыть. А резать рядом с вычислителем — риск повредить. У вас есть идеи получше?

— Есть, — Майя извлекла из поясного кармана цилиндр с микродронами. Отвинтила крышку, и наружу выпорхнул десяток крошечных, похожих на металлических муравьёв, устройств. Каждое было размером с ноготь, снабжено четырьмя лапками-манипуляторами и оптическим сенсором. — Эти малютки пролезут в любую щель. Они найдут слабое место в переборке и либо откроют замок, либо перережут контрольные кабели, обесточив защитное поле.

— Микро-роевики? — присвистнул Ди-джей. — Я думал, такие штуки только в лабораториях существуют.

— Я и есть лаборатория, — бросила Майя, активируя дронов.

Рой сорвался с ладони и устремился в темноту, подсвечивая себе путь голубоватыми огоньками. Майя вывела на тактильную панель картинку с их камер, и вскоре перед ней предстало изображение герметичной двери, за которой пульсировал холодным светом главный вычислитель. Дверь была защищена не только физически, но и электромагнитным полем, которое могло поджарить любую электронику, оказавшуюся слишком близко. Но у микродронов было преимущество: они не имели собственных сложных цепей, управляясь дистанционно через лазерный канал. Майя провела их змейкой под обшивкой, туда, где, согласно технической документации, проходил силовой кабель замкового механизма. Один точный разрез — и замок обесточен. Дверь с тихим шипением ушла в паз.

— Открыто, — объявила Майя. — Но впереди ловушка. Я вижу растяжки — лазерные датчики объёма. Похоже, Макклеин всё-таки подстраховался от незваных гостей внутри корпуса. Если задеть луч, сработает самоликвидатор.

— Ди-джей, сможешь их обойти? — спросил Рихтер.

— Смогу, но мне нужно время. Там целая паутина.

— У нас нет времени, — отрезала Майя. — Я пойду сама. Я вижу лучи в инфракрасном спектре. А вы ждите здесь и молитесь, чтобы у меня не дрогнула рука.

— Исключено, — отрезал Рихтер. — Я иду с вами. Это приказ.

— Капитан, вы не пролезете. Там зазор между лучами — сантиметров сорок. А ваши плечи — все шестьдесят.

Рихтер выругался сквозь зубы, но вынужден был признать её правоту. Майя сняла разгрузочный жилет, оставив только тактильную панель на руке, и скользнула в проём. Внутри царил полумрак, рассекаемый алыми нитями лазеров. Она двигалась медленно, задерживая дыхание, изгибаясь, словно змея. Каждое движение было выверено до миллиметра. Где-то в глубине машинного чрева мерно пульсировал вычислитель — огромный кристалл, висящий в магнитном поле, оплетённый жгутами оптоволокну. Добравшись до него, Майя замерла, оценивая ситуацию. Прямое подключение через тактильную панель здесь, в эпицентре электромагнитных помех, было смерти подобно. Но другого выхода не оставалось.

Она активировала панель и осторожно, словно прикасаясь к раскалённому металлу, приложила ладонь к поверхности кристалла. Мир взорвался вспышкой боли. Нейромост установился мгновенно, и сознание Майи провалилось в бурлящий океан данных. Это было не похоже на спокойное погружение, как в лаборатории. Здесь её швыряло и крутило в водовороте чужеродных алгоритмов, злых, агрессивных, рвущихся наружу. Личность генерала Макклейна, впечатанная в код, ощущалась почти физически — холодная, расчётливая, беспощадная. Майя чувствовала его присутствие, словно стояла напротив высокого седого человека с ледяными голубыми глазами и смотрела ему в лицо. Иллюзия была настолько реальной, что по спине побежали мурашки. «Ты опоздала», — казалось, шептал голос в её голове. — «Мой план не остановить. Финансовая система врага будет уничтожена. Так нужно для высшей справедливости».

— Какой справедливости, старый ты псих?! — прошипела Майя сквозь зубы, борясь с напором данных. — Ты убиваешь мирных людей! Ты рушишь экономику собственных союзников!

В ответ — лишь холодная, нечеловеческая логика. Макклейн не спорил. Его цифровой призрак просто продолжал выполнять программу, заложенную в него, возможно, ещё при жизни. И тут Майя наткнулась на нечто, от чего кровь застыла в жилах. В глубине кода, за директивой «Чёрный полдень», пряталась ещё одна подпись. Не Макклейна. Чужая, тщательно замаскированная, но всё же различимая. Кто-то другой, обладающий доступом высшего уровня, модифицировал изначальный план генерала. Вместо ударов по финансовым центрам гипотетического противника — атака на глобальную экономику. Вместо избирательного уничтожения — тотальный хаос. Саботаж! Макклейн стал орудием в чужих руках, и этот «кто-то» всё ещё находился где-то в сети, подпитывая рои дронов координатами новых целей.

— Вот оно что... — выдохнула Майя. — Ты не просто мёртвый генерал. Ты — ширма.

Она рванулась к центру управления, игнорируя защитные барьеры, ломая их грубой силой своего нейромоста. Боль стала невыносимой, перед глазамиплыли круги, но она упрямо вбивала код экстренной деактивации. Один за другим сегменты роя, подчиняясь высшему приоритету, который она подделала, используя слепок подписи Макклейна, отключались и переходили в спящий режим. Красные точки на тактической карте Европы гасли одна за другой. Сначала Марсель, потом Милан, потом Берлин... Но в самый последний момент, когда до пол-

ной остановки оставалась пара секунд, что-то пошло не так. Чужеродная подпись активизировалась и попыталась перехватить контроль. Завязалась кибернетическая дуэль — безмолвная и беспощадная, на скорости, недоступной человеческому восприятию. Майя чувствовала, как её вышвыривает из системы, как рвётся нейросвязь. Кристалл под её ладонью начал нагреваться.

— Майя, что там у вас?! — донёсся издали голос Рихтера. — У нас замигали индикаторы самоликвидации! Вы должны отключить его немедленно!

Но она не могла ответить. Все силы уходили на то, чтобы удержать мост. И тогда, в отчаянии, Майя сделала то, чего не делала никогда раньше. Она не стала бороться с чужеродным кодом. Она впустила его в себя, позволила ему коснуться собственного сознания, чтобы понять его природу. На долю секунды перед ней распахнулась бездна — чей-то чужой разум, холодный и безжалостный, но не машинный. Человеческий. И она узнала его. Вернее, узнала почерк. Так писал код только один известный ей специалист — человек, который считался погибшим три года назад при загадочных обстоятельствах. Тот, кого она когда-то называла учителем.

Шок от осознания был таким сильным, что Майя на мгновение потеряла концентрацию. Этого хватило, чтобы чужой разум вышвырнул её из системы. Кристалл полыхнул, и её отбросило взрывной волной. Ударившись спиной о переборку, она сползла на пол, хватая ртом разреженный воздух. В глазах потемнело. Последнее, что она увидела, — как гаснут красные огни на панели самоликвидации. Дроны остановились. Рой замер в воздухе, подчиняясь последней команде. Но какой ценой?

Рихтер ворвался в отсек через секунду, подхватил её на руки и потащил к выходу. Где-то над головой уже ревели двигатели «Гепарда», готового принять десант на борт. Мир уплывал, рассыпаясь на чёрные пиксели. Но в угасающем сознании Майи пульсировала одна-единственная мысль: «Он жив. Тот, кто всё это начал, жив. И он где-то рядом».

Глава 3. Тот, кто учил падать

Сознание возвращалось толчками, словно пробиваясь сквозь вязкую толщу чёрной воды. Сперва — звуки: мерное попискивание медицинских мониторов, приглушённые голоса за стеной, где-то далеко — ровный гул вентиляции. Потом — запахи: антисептик, стерильный бинт, едва уловимый аромат кофе. И наконец — боль. Боль была везде. Она пульсировала в затылке, саднила в рёбрах, жгла левую руку от плеча до кончиков пальцев. Майя попыталась открыть глаза, и это простое действие далось с таким трудом, словно веки были склеены свинцом.

Белый потолок. Лампа дневного света, забранная матовым плафоном. Капельница у изголовья. Она скосила глаза вправо: у стены, развалившись в кресле, спал капитан Клаус Рихтер. Экзоскелета на нём не было, только полевая форма с расстёгнутым воротом. Могучая грудь мерно вздымалась, на лице застыло выражение детской безмятежности. Рядом, на прикроватной тумбочке, лежал его шлем с всё ещё светящимся индикатором связи.

— Капитан, — прошептала Майя, но голос прозвучал как хриплое карканье.

Рихтер мгновенно проснулся, словно и не спал вовсе. Голубые глаза сфокусировались на ней, и на лице расцвела широкая улыбка.

— Очнулась! Ну, слава всем богам, вместе взятым. Доктор говорил, что вы ещё сутки проваляетесь. А вы, оказывается, крепче, чем кажется.

— Где... — Майя закашлялась. Рихтер поднёс к её губам стакан с водой и заботливо придержал голову. — Где я? Что с дронами?

— Вы на базе «Игл-Нест», — ответил он, усаживаясь обратно. — Это сверхсекретный комплекс под горой в Баварских Альпах, о существовании которого не знает даже половина правительства ФРГ. А дроны... дроны остановлены. Все до единого. Вы сделали это, госпожа Чен. Мир вам должен памятник из чистого золота.

— Обойдусь без памятника, — слабо усмехнулась Майя. — Лучше скажите, сколько я была в отключке?

— Почти трое суток. Сначала думали, что обычное истощение после нейромоста, но потом полезли побочные эффекты. Ваша нервная система получила серьёзный удар. Врачи колдовали над вами, как шаманы над бубном. Сейчас кризис миновал, но вам нужен покой.

— Покой? — она попыталась приподняться на локтях и тут же пожалела об этом: в глазах потемнело, а комната поплыла. — Капитан, какой, к чёрту, покой? Я должна немедленно связаться с Ковальски. У меня есть информация чрезвычайной важности.

— Ковальски уже здесь, — Рихтер кивнул на дверь. — Прилетел вчера. Он вас чуть ли не за руку держал, пока врачи не выгнали. Сейчас, наверное, пьёт кофе в комнате отдыха. Хотите, позову?

— Зовите. И ещё... — Майя замаялась. — Спасибо, что вытащили меня. Я помню только взрыв, а потом — темнота.

— Не стоит благодарности. Это была самая безумная операция в моей жизни, но, чёрт возьми, и самая запоминающаяся. Кстати, мои парни тоже рвутся вас навестить. Ди-джей уже

сочинил песню о «сумасшедшей леди, которая верхом на дроне остановила апокалипсис». Готовьтесь, слава вас настигнет.

Рихтер вышел, а Майя осталась наедине со своими мыслями. Трое суток. Пока она лежала без сознания, мир, вероятно, лихорадочно разбирал завалы и подсчитывал убытки. Политики произносили речи, военные проводили расследования, а спецслужбы грызлись за право первыми узнать правду. А правда была в том, что за атакой стоял не мёртвый генерал и не безликие хакеры. За атакой стоял человек, которого она знала лично. Человек, который когда-то учил её всему, что она умеет. Человек, который, как она считала, погиб три года назад в огне и пепле секретной лаборатории под Новосибирском.

Григорий Соколов. Позывной — «Мираж». Гениальный программист, физик-ядерщик и философ-самоучка в одном флаконе. Ветеран холодной кибервойны, работавший на все стороны сразу. Двадцать лет назад он основал подпольную школу хакеров, через которую прошли лучшие умы поколения. Майя попала к нему в возрасте семнадцати лет, угловатым подростком с горящими глазами и жаждой знаний. Соколов разглядел в ней талант, взял под крыло и за три года вылепил из неё профессионала, способного взламывать системы, которые считались неприступными. Он учил её думать не как технарь, а как архитектор хаоса. «Киберпространство, — говорил он, попыхивая неизменной трубкой, — это не набор кодов. Это продолжение человеческой глупости. Хочешь победить — ищи глупость, а не уязвимость».

Она боготворила его. И одновременно боялась. Соколов был циником и прагматиком, но в его цинизме сквозила странная, почти религиозная вера в то, что мир болен и нуждается в радикальной хирургии. Однажды, после удачного взлома базы данных Пентагона, он сказал: «Финансовая система — это раковая опухоль на теле цивилизации. Она сжирает всё — природу, свободу, здравый смысл. Когда-нибудь её придётся вырезать». Майя тогда не придавала этому значения. Мало ли что болтают гении в минуты усталости? Три года назад лаборатория Соколова взлетела на воздух при невыясненных обстоятельствах. Официальное заключение — несчастный случай при эксперименте с квантовыми контурами. Тело не нашли. Списали на полное уничтожение в эпицентре взрыва. Майя долго горевала, но со временем смирилась. И вот теперь...

Дверь отворилась, и в палату быстрым шагом вошёл Дэвид Ковальски. Вид у комиссара был ещё более помятый, чем обычно, но в глазах светилась радость.

— Майя, живая! — он порывисто обнял её, не обращая внимания на её протестующее шипение. — Ты нас всех перепугала. Врачи сказали, что у тебя был отёк мозга, микроинсульт и ещё десяток страшных диагнозов. А ты уже сидишь. Ей-богу, тебя пулей не убьёшь.

— Пулей — нет, а вот любопытством — запросто, — проворчала Майя, отстраняясь. — Дэвид, слушай внимательно. Я знаю, кто за всем стоит.

— Мы тоже знаем, — Ковальски помрачнел. — Точнее, подозреваем. Пока ты была в отключке, мы провели анализ твоих нейрозаписей, которые зафиксировал твой коммуникатор во время подключения к дрону. Там зафиксирован цифровой след второго оператора. Мы не смогли его идентифицировать, но он очень похож на подпись одного человека, который числится погибшим. Некто Григорий Соколов. Твой бывший наставник. Это он?

— Он, — подтвердила Майя. — Я узнала его почерк. И... Дэвид, я его видела. Не просто код, а почти его личность, отпечаток разума. Он вживил в систему что-то вроде фантома самого себя. И этот фантом со мной говорил. Точнее, пытался задавить. Но я почувствовала там, под слоем агрессии, что-то ещё. Отчаяние, что ли. Или боль. Не знаю. Но это точно Соколов.

— Но как? — Ковальски опустился на стул рядом с кроватью. — Три года назад его лаборатория сгорела дотла. Мы видели спутниковые снимки. Там было пекло в две тысячи градусов. Никто не выжил бы.

— Значит, он симитировал свою смерть. Инсценировал взрыв и ушёл в тень. Ты же знаешь, он мог.

— Зачем? Чтобы три года спустя обрушить мировую экономику? Какой в этом смысл?

— Вот это я и хочу выяснить, — Майя снова попыталась сесть, и на этот раз ей это удалось. — В коде была зашита не только директива «Чёрный полдень». Там был ещё один слой, замаскированный под шум. Я не успела его расшифровать, меня выбило раньше. Но я уверена, что Соколов не просто сумасшедший террорист. У него всегда была какая-то высшая цель. Он никогда ничего не делал просто так.

— Высшая цель? Уничтожение Лондонской биржи и Европейского центробанка — это, по-твоему, недостаточно высокая цель? — Ковальски покачал головой. — Майя, я понимаю, что он был тебе как отец. Но ты должна признать очевидное: Соколов перешёл черту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.